

№ 2 (172)
Февраль

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

Великий пост

с 7 марта по 23 апреля

Если ты, человек, не прощаешь всякого
согрешившего против тебя,
то не утруждай себя постом и молитвой...
Бог не примет тебя.

Преподобный Ефрем Сирин

Б.В. Щербаков
«Анастасийские ворота»



МИТРОПОЛИТ
АНТОНІЙ СУРОЖСКІЙ

ОТКУДА ИДЕТ СМЕРТЬ, И КАК НАЙТИ ЖИЗНЬ

Святой Иоанн Лествичник так назван потому, что он оставил духовное руководство — «Лествицу» восхождения от земли на Небо, из глубин греха до вершин любви Божией и соединения с Ним.

И вот на первой ступени этого восхождения святой Иоанн нам говорит: Не за то, братья, будем мы осуждены на вечном суде, что не совершали мы чудес, что не богословствовали, но за то будем осуждены, что не плакали о грехах своих...

Вот где начинается наше спасение или завязывается узел нашей погибели. Мы обо многом плачем: плачем об утратах своих, плачем об оскорблениях, которые нам наносят люди, плачем мы о болезни, плачем о различном, многообразном горе, которое встречается нам в течение жизни; и мы не видим, что болезнь, и горе, и страдание, и утрата — все они могут быть чисты и могут быть звеном, которое соединяет нас и с Богом, и с людьми.

Но одно мы забываем: забываем, что есть грех в нашей жизни, делаемся к нему нечуткими, забываем его легко, скорбим о нем мало. А вместе с тем, это — единственное несчастье человеческой жизни. Все остальное может быть чисто — грех темен; грех оскверняет, грех убивает человека, и не только его одного, даже не только его сообщников во грехе — убивает он человеческие и божеские отношения... Какой бы мы ни совершили грех, первое, чего мы ищем, чего мы хотим, это закрыться от Бога: Как бы Бог этого не знал! Как бы Он этого не приметил, как бы Он это забыл!

И когда мы говорим: «Как бы Он это простил», мы так часто говорим это не из глубины раздирающей душу скорби о том, что мы разорвали отношения любви и веры, и дружбы, а потому, что случилось что-то, от чего нам страшно делается, от чего холодеет душа, потому что, когда мы станем перед Богом, нам будет стыдно и боязно...

И грех нас отделяет от людей. О своем горе, об утрате, о несчастье можно сказать, можно поделиться ими с ближним, можно получить от ближнего поддержку, можно силу получить от взаимного доверия, от того, что мы делим друг со другом этот ужас земли. Но грех нас от человека отделяет; он отделяет нас от тех, перед которыми было бы стыдно; он отделяет нас от тех, которые были сообщниками наших грехов, потому что они нам — живое и мучительное напоминание; и потому что мы знаем, что мы не только за себя, но друг за друга ответим на неумолимом суде правды и любви Господней.

И вот грех убивает все в жизни — и меньше всего мы ощущаем его как смерть. Плачем мы обо всем, сетуем обо всем, горюем обо всем, кроме как о том, что заживо умираем, что постепенно вокруг нас образуется непроходимое кольцо отчужденности и от грешника, и от праведника, и от Бога, что это кольцо не может разомкнуться даже любовью других, потому что нам тем более стыдно и страшно, чем больше нас любят... Вот почему в самую основу нашего спасения, нашего покаяния Иоанн Лествичник ставит призыв к тому, чтобы мы плакали о своих грехах.

Почему плакали? Мы знаем из своего опыта, что только тогда мы можем заплакать, когда горе, или радость, или стыд, или ужас пронзят душу, как копье, что только когда доходит наше страдание до предела, вырываются из нас слезы... До этого бывает раскаяние — и с этого надо начать: ужаснуться о

том, что мы могли так поступить, что мы могли такими быть; а затем придет и покаяние, то есть тот решительный, беспощадный к себе оборот души, который ставит нас лицом к лицу перед Богом, повергает нас к Его ногам, учит нас просить исцеления, очищения, милости, прощения — и не себе только, но и жертвам нашей греховности.

И потом, когда сознание наше доходит до такой остроты и глубины, что нам уже невыносима отчужденность от Бога, сознание совершенного нами духовного преступления убийства себя и другого — только тогда могут из наших глаз вырваться очищающие слезы. Пока мы не умеем плакать о своих грехах, мы можем с уверенностью сказать, что мы их еще не осознали, что мы еще нечувствительны, что мы еще холодны, что мы еще во грехе.

И вот грех убивает; он убивает нашу душу, делая ее нечувствительной и черствой, он убивает отношения наши с Богом и с людьми; он убивает совесть нашу и жизнь в других, он убивает Христа на Кресте... На прошлой неделе мы поклонялись Кресту, через малое время мы будем созерцать страсти Господни — вот что делает грех: он убивает. И всегда невинного, всегда в жертву себе берет того, кто не заслужил этого страдания, этого унижения, этой боли...

Подумайте, каждый, о своей жизни, о каждом грехе, взвесьте строго и беспощадно; и принесите Богу сначала раскаяние, потом — истинное, все растущее покаяние, пока не прорвется из сердца поток слез и мы не сможем сказать: «Каюсь, Господи, поистине!» — и в этих слезах не омоемся от грехов своих. Аминь.

По страницам сайта mitras.ru



ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Елей умащает борца, а пост укрепляет подвижников благочестия. Поэтому, сколько отнимешь у плоти, столько придашь душе, чтоб сеять ей духовным здравием; потому что не телесными силами, но постоянством души и терпением в скорбях одерживается победа над невидимыми врагами.

Полезен пост во всякое время для подъемлющих его; потому что на постящегося не смеют нападать демоны, охранители же жизни нашей — Ангелы деятельнее пребывают с теми, которые очистили душу постом. Но гораздо более полезен он ныне, когда во всей вселенной возвещается о нем проповедь. И нет ни одного острова, ни твердой земли, ни города, ни народа, ни отдаленного края, где не была бы слышна сия проповедь; напротив того, и воинские станы, и путешественники, и мореплаватели, и купцы, все равно слышат и с радостью принимают повеление. Посему никто не исключай себя из списка постящихся, в который вносятся все роды людей, все возрасты, все различия чинов. Ангелы в каждой церкви записывают постящихся. Смотри же, ради кратковременного наслаждения яствами, не лишись ангельской записи, и пред тем, который набирает воинов, не окажись виновным в побеге из воинского строя. Меньше опасности, если кого обличать, что бежал с сражения без щита, нежели когда окажется, что бросил великое оружие — пост. Богат ты? Не преобидь поста, не удостоив дать ему место за своей трапезою; не отсылай



его из своего дома, с безчестием заставив потерпеть презрение от сластолюбия, чтоб пост не оговорил тебя со временем пред Законоположником постов и в виде наказания не наложил на тебя большего воздержания от пищи, по причине или телесного недуга, или другого какого печального обстоятельства. Бедный не издевайся над постом; потому что давно он у тебя в доме и за твоим столом. А женщинам столько же свойственно и естественно поститься, как и дышать. Дети, как цветущие растения, да орошаются водою поста. Для старцев легкими делает труды давнее знакомство с постом; потому что труды, дознанные долговременною привычкою, делаются менее скучными для упражняющихся в них. Путешественникам выгодный спутник — пост; ибо как роскошь заставляет обременять себя тяжестью и носить с собою нужное для наслаждения; так пост делает их легкими и свободными в действии. Притом, когда предписан дальний поход, воины запасаются необходимым, а не тем, что служит к роскоши; и нам, которые выходим против невидимых врагов и после победы над ними поспешаем к горнему отечеству, не гораздо ли более прилично, как живущим в воинском стане, довольствоваться самым необходимым? Злопостражди, яко добр воин (2 Тим.2,3), и подвизайся законно, чтоб тебе быть увенчанным, зная, что всяк подвизаясь от всех воздержится (1 Кор.9,25).

Но не должно оставлять без внимания и того, что пришло мне на мысль недавно, пока говорил я сие, — а именно: мирским воинам, по мере трудов, увеличивают выдачу жизненных припасов; а духовные воины, чем у кого меньше пищи, тем больше имеют достоинства. Ибо как шлем наш — различной природы с тленности; вещество последнего — медь, а наш составлен из надежды спасения (1 Сол.5,8); и щит у них сделан из дерева и кожи, а у нас щитом твердыня веры; мы облечены и броней правды (Еф.6,14.), а они носят на себе какую-то кольчугу; и мечем нашим при защите служит меч духовный, а они защищаются мечем железным: так, очевидно, не одни и те же снеди придают силу тем и другим; но нас укрепляют догматы благочестия, а для них нужно насыщение чрева. Итак, поелику возвращающийся круг времени привел к нам сии многожеланные дни, примем их с радостью, как древних своих воспитателей, чрез которых Церковь воздохла нас для благочестия. Потому, намереваясь поститься, не будь уныл по-иудейски, но покажи себя веселым по-евангельски (Мф.6,16), не оплакивая скудость желудка, но радуясь душою о духовных наслаждениях. Ибо знаешь, что плоть похотствует на духа, дух же на плоть (Гал.5,17). Поелику же сия друг другу противятся; отнимем у плоти ее наслаждение, преумножим же душевную силу, чтоб, с помощью поста одержав победу над страстями, увенчаться нам венцами воздержания.

Поэтому приготовь уже себя, чтоб стать достойным досточтимейшего поста, и сегодняшним пьянством не порти завтрашнего воздержания. Худое это суждение, лукавая эта мысль: «поелику предвозвещен нам пятидневный пост, то сегодня погрузимся в пьянство». Никто, намереваясь вступить в законный брак с честною женщиною, не вводит наперед к себе в дом наложниц и непотребных женщин; потому что законная жена не потерпит жить вместе с развратными. Поэтому и ты, в ожидании

поста, не вводи к себе пьянства, этой всенародной блудницы, этой матери безстыдства, смехолюбивой, изступленной, склонной к бесчиниям всякого рода; потому что в душу, оскверненную пьянством, не войдут пост и молитва. Постящегося приемлет Господь внутрь священных оград, но не допускает упивающегося, как скверного, чуждого святыни. Если завтра придешь, издавая от себя запах вина, и притом перегнившего, то ужели пьянство твое вменю тебе в пост? Разсуждай не о том, что недавно не вливал ты в себя вина, но о том, что не очистился еще от вина. Куда причислю тебя? К упивающимся, или к постникам? Предшествовавшее пьянствование присвоит тебе себе, а настоящее неядение свидетельствует о посте. Пьянство оспаривает тебя, как своего невольника, и по праву не отступает от тебя, представляя ясные доказательства твоего рабства, — именно запах вина, оставшийся в тебе, как в бочке. Так первый день поста не будет у тебя истинно постным; потому что в тебе хранятся остатки упоения. А где начатки подозрительны, там, очевидно, и все теряет цену. Пьяницы царствия Божия не наследят (1 Кор.6,10). Если упившись приступаешь к посту; что тебе пользы в посте? Ибо, если пьянство заключает для тебя царство, полезно ли уже будет тебе поститься? Не видишь ли, что опытные в объезживании коней, назначенных для ристания коней, когда ожидают дня ристания, готовят к сему тем, что не дают им корма? А ты намеренно обременяешь себя объедением. Столько превосходишь чревоугодием и бессловесных! Обремененное чрево не только к скорости бега, но и ко сну не способно; потому что, стесняемое множеством принятой пищи, не дает лежать спокойно, но принуждает часто ворочаться с одного бока на другой.

Пост охраняет младенцев, уцеломудривает юного, делает почтенным старца; ибо седина, украшенная постом, достойнее уважения. Пост — самое приличное убранство женщин, узда в цвете лет, охранение супружества, воспитатель девства. Таковы частные услуги поста у каждого в доме. Но как упорядочивает он жизнь нашу в обществе? Вдруг целый город и целый народ приводит к благочинию, утишает крики, изгоняет ссору, заставляет умолкнуть укоризну. Какой учитель своим приходом останавливает так мгновенно шум детей, как наступивший пост утишает волнение в город? Какой любитель невоздержания появлялся во время поста? Какое распутное сборище составлялось постом? Нежные усмешки, блуднические песни, неистовые пляски вдруг удаляются из города, изгнанные постом, как строгим каким-то судиею. Если бы все приняли его в советники касательно дел своих, ничто не препятствовало бы тогда быть глубокому миру в целой вселенной: народы не возставали бы друг на друга; воинства не вступали бы между собою в сражения. Когда владычествовал бы пост; тогда не ковали бы оружия, не собирали бы судилищ, не содержались бы иные в узах; одним словом: в пустынях не было бы грабителей, в городах — клеветников, на море — разбойников. Если бы все были учениками поста; то, по слову Иова, вовсе не было бы слышно гласа собирающего дань (Иов.3,18), Жизнь наша не была бы так многоплачевна и исполнена уныния, если бы пост был главным правителем нашей жизни. Ибо, как очевидно, он научил бы всех не только воздержанию от яств, но и совершенному удалению и отчуждению

от сребролюбия, любостыжательности и всякого порока, по истреблении которых ничто не препятствовало бы нам проводить жизнь в глубоком мире и душевном безмятежии.

Но теперь отвергающие пост и гоняющиеся за роскошью, как за блаженством жизни, ввели этот великий строй зол, и сверх того повреждают собственные тела свои. Заметь различие на лицах, какими явятся они тебе сегодня вечером, и какими — завтра. Сегодня лица надуты, красны, увлажнены тонким потом, глаза так же влажны и наглы, по причине внутреннего омрачения лишены верности ощущения, а завтра лица будут спокойны, степенны, примут естественный цвет, будут выражать самоуглубление, и все чувства сделаются верными, потому что не будет внутри причины, помрачающей естественные действия. Пост — уподобление Ангелам, сожитель праведным, обучение целомудренной жизни. Пост Моисея сделал законодателем. Плод поста — Самуил. Постящаяся Анна молилась Богу: Адоннаи Господи, Елои Саваоф! еще призирая призириши на рабу Твою, и даси мне семя мужеско, то дам е пред Тобою в дар: вина и сикера не испиет до дне смерти его (1 Цар.1,11). Постом возвеличен Самсон; и пока не разлучен был с ним пост, враги падали тысячами, городские врата исторгались и львы не выдерживали крепости рук его. Но когда овладели им пьянство и блуд, уловлен он неприятелями, и лишенный очей выставлен на посмешище детям иноплеменников.

Постившийся Илия заключил небо на три года и на шесть месяцев. Поелику видел, что от пресыщения рождается много наглости; то по необходимости наложил на них невольный пост — голод, и им остановил без меры уже разлившийся грех их, постом, как бы прижиганием каким или сечением, прервав дальнейшее распространение зла.

Примите пост, бедные: он разделит с вами и обитель и трапезу. Примите его, рабы: он упокоит вас от непрерывных трудов рабства. Примите его, богатые: он уврачует вас от вреда, причиняемого пресыщением, и чрез перемену сделает более приятным пренебрегаемое по привычке. Примите его, больные: это мать здоровья. Примите его, здоровые: это охранитель вашей телесной крепости. Спроси врачей, и они скажут тебе, что крайняя степень здоровья всего опаснее; посему наиболее опытные постом истребляют излишнее, чтоб под бременем утучненной плоти не сокрушились силы. Ибо, воздержанием от пищи намеренно истребив, что превышало меру, дают

питательной силе какой-то простор, поддержку и начало к новому приращению.

Так польза поста открыта всякому роду жизни, всякому состоянию тела: пост везде одинаково приличен — и в домах и на торжищах, и ночью и днем, в городах и в пустынях. Поэтому радостно примем пост, который в столь многих случаях доставляет нам блага свои, примем, по слову Господню, не сетующе, якоже лицемери (Мф.6,16), но не ухищренно показывая душевное веселье.

Впрочем для похвального поста не достаточно одного воздержания от яств; но будем поститься постом приятным, благоугодным Богу. Истинный пост — удаление от зла, воздержание

языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи, клятвоступления. Воздержание от сего есть истинный пост. В этом пост — прекрасное дело. Насладимся же Господу (Пс.36,4) в поучении словесам Духа, в восприятии спасительных узаконений, и во всех учениях, служащих к исправлению душ наших.

Будем беречься от того поста в тайне, об избавлении от которого молит пророк, говоря: не убьет гладом Господь души праведных (Притч.10,3); и: не видех праведника оставлена, ниже семени его просяща хлеба (Пс.36,25). Ибо сказал сие не о чувственных хлебах, зная, что дети патриарха нашего Иакова за хлебами ходили в Египет, но говорить о духовной пище, которою усовершеняется внутренний наш человек. Да не придет и

на нас пост, которым грозил Иудеям: се бо дние грядут, глаголет Господь, и пошлю на землю сию глад, не глад хлеба, ни жажду воды, но глад слышания слова Господня (Амос.8,11). Сей глад послал на них праведный Судия, когда увидел, что ум их томится голодом от невкусения учений истины, а их внешний человек чрез меру тучнеет и дебелиет. Поэтому во все последующие дни будет угощать вас Дух Святой утренними и вечерними веселиями. Никто да не лишает себя произвольно духовного пира. Все причастимся трезвенной чаши, которую Премудрость растворила и равно предложила нам, чтоб каждый почерпал, сколько может вместить. Ибо раствори чашу свою, и закла своя жертвенная (Притч.9,2), то есть, пищу совершенных, имущих чувства обучена долгим учением в расуждение добра же и зла (Евр.5,14). Напитавшись сим изобильно, да обрящемся достойными и радости брачного чертога о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки. Аминь.





Епископ Каллист Уэр (род. в 1934г.), преподает в университете Оксфорда и возглавляет там православный приход Константинопольского патриархата.

КАЛЛИСТ (УЭР), ЕПИСКОП ДИОКЛИЙСКИЙ

СТРАННАЯ И ВСЕ ЖЕ БЛИЗКАЯ: МОЙ ПУТЬ В ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Небо и земля днесь совокупишася.
(Стихира на литии из Великого Повечерия
Рождества Христова)

О странная Православная Церковь!
(о. Лев Жилле)

ОТСУТСТВИЕ И ПРИСУТСТВИЕ

Хорошо помню, с чего начался мой путь в Православие. Случилось это, когда мне было семнадцать, совершенно неожиданно, летним субботним днем 1952 г. Я шел по Букингем Пэлэс Роуд (это самый центр Лондона) мимо большой, обветшавшей готической церкви XIX века, которой раньше не замечал. Никаких опознавательных знаков на ней не было (общественные связи всегда были слабой стороной Православия на Западе!), если не считать медной таблички, на которой значилось: «Русская Церковь».

Когда я вошел в храм св. Филиппа — так называлась Церковь, — в первую минуту мне показалось, что он совершенно пуст. Снаружи, на улице, ярко светило солнце, но внутри было прохладно и темно, как в пещере. Когда же глаза привыкли к полумраку, первое, что я заметил, было именно отсутствие — ни скамеек, ни расставленных аккуратными рядами стульев, лишь пустой гладкий пол.

Вскоре я увидел, что церковь не совсем пуста. В центральном и боковых нефках стояло несколько прихожан, в основном, пожилых. На стенах висели иконы, перед

ними тускло мерцали лампадки, а на восточной стороне горели свечи перед иконостасом. Пел хор, хотя видно его не было. Через некоторое время из алтаря вышел диакон и обошел церковь; он кадил иконы и людей. Я заметил, что его облачение старо и изношено.

И вдруг первое впечатление отсутствия сменилось поразительным ощущением присутствия. Я почувствовал, что церковь вовсе не пуста, напротив, со всех сторон меня окружало бесчисленное множество молящихся. Я интуитивно осознавал, что мы, видимое собрание, — часть намного большего целого и, когда мы молимся, участвуем в действе, намного превосходящем наши молитвы — во всеобщем, всеохватном празднестве, в котором соединяются время и вечность, мир дольний и мир горний.

Годы спустя с радостным чувством узнавания читал я в «Повести временных лет» историю обращения св. Владимира. Вернувшись в Киев, русские послы рассказывали князю о Божественной Литургии, на которой они присутствовали в Константинополе: «И не вемы, на небе ли есмы были, ли на земли: несть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумеем бо сказати; токмо то вемы, яко онеде Бог с человеки пребывает... Мы убо не можем забыти красоты тоя». Поразительно, но совершенно то же чувствовал я на всенощной в храме св. Филиппа на Букингем Пэлэс Роуд. Конечно, внутреннее убранство было не столь великолепным, как в Византии X века, но,

подобно послам князя Владимира, я тоже встретился с «небом на земле», тоже почувствовал, будто предстою на небесной Литургии и созерцаю ангелов, святых и нетварную красу Божия Царства. «Ныне силы небесные с нами невидимо служат...» (Литургия Преждеосвященных Даров).

Я вышел из церкви до окончания службы. Больше всего меня потрясли две вещи. Во-первых, невозможно было сказать, сколько времени я провел в храме — двадцать минут или два часа: время там значения не имело. Во-вторых, стоило мне ступить на тротуар, как на меня громадной волной накатился рев города. Он должен был доноситься сквозь стены храма, но, находясь внутри, я его не замечал; там я пребывал в мире, где время и дорожный шум значения не имели, в мире более реальном — я готов был сказать: более осязаемым, — чем Лондон двадцатого столетия, в который я вдруг вернулся.

На той всеобщей служили на церковнославянском языке, так что умом я не понял ни слова. И тем не менее, выйдя из храма, я сказал себе с полной убежденностью: «Вот откуда я родом; я вернулся домой». Бывает так (и разве это не странно?), что еще не узнав до конца человека, место или предмет, мы уже уверены: вот человек, которого я полюблю; вот куда мне нужно поехать; вот предмет, изучению которого я должен отдать всю жизнь. С того момента, когда я оказался на службе в Свято-Филипповском храме на Букингем Пэлэс Роуд, мне стало ясно: мое место — в Православной Церкви.

Я рад, что моя первая встреча с Православием произошла не по книгам и не благодаря знакомству с православными людьми, но на богослужении. Церковь, по православному разумению, есть прежде всего литургическая община, чья подлинная природа выражается в молитвенном призывании и славословии. Самое главное в ней — богослужение, а уже потом учение и церковная дисциплина. Мне посчастливилось открыть для себя Православную церковь, впервые в жизни участвуя в ее общей молитве. Я встретился с Православием не как с абстрактным учением или идеологией, а как с осязаемой, неповторимой реальностью предстояния перед Богом.

«ВОТ ТО, ВО ЧТО Я ВЕРИЛ ВСЕГДА...»

Сейчас мне ясно, что в тот летний день 1952 г. моя душа уже была готова принять Православие. Но произошло это примерно шесть лет спустя. В Англии 50-х годов желание стать членом Православной Церкви казалось слишком эксцентричным, и большинство моих друзей-англичан пытались меня разубедить. «Ты навсегда останешься чужаком, — возражали они. — Бог устроил так, что ты родился в западной культуре, так зачем бежать от трудностей и проблем своего исторического наследия?» Православное богослужение, быть может, и прекрасно, но разве, спрашивали они, не существует печального разлада между принципами и практикой? А может быть, я идеализирую Православие или воспринимаю его слишком эмоционально? Не ищущ ли я успокоенности и безопасности, которых нам никто не обещал на земле?

Однако куда более неожиданным оказалось то, что большинство православных, к которым я обращался за советом, тоже не слишком одобряли мое намерение. Они

честно и прямо — и за это я им до сих пор благодарен — говорили мне об исторических недостатках Православной Церкви и об особых трудностях ее отношений с Западом. В реальном Православии, предостерегали они меня, очень многое слишком далеко от «неба на земле!» Когда я обратился к викарному епископу, служившему в кафедральном соборе Греческой православной церкви в Лондоне, Иакову (Вирвосу) Апамейскому, он долго и благожелательно со мной беседовал, но посоветовал оставаться в лоне Англиканской Церкви, в которой я воспитан. Такой же совет дал мне русский священник в Париже.

Тогда это меня поразило.

Теперь я лучше понимаю, почему владыка Иаков так говорил со мной.

Владыка руководствовался пастырскими соображениями. В то время в греческих приходах богослужения по-английски не совершались, и немногие священники знали еще какой-нибудь язык, кроме греческого. Не имея возможности полноценно окормлять англичанина, он не хотел принимать его под свой омофор, в чем оказался совершенно прав, так как принять новообращенного и больше никак не заботиться о нем было бы непростительной безответственностью со стороны священника (хотя я могу вспомнить много случаев, когда именно это и происходило). Новообращенного надо ввести в живую общину; его нельзя бросить в глубокие воды Православия и предоставить ему выбор — барахтаться или тонуть.

Кроме того, как я теперь думаю, владыка Иаков меня испытывал. Видя мое рвение, он хотел, чтобы я тщательно взвесил все аргументы в пользу противоположного решения. Он знал: если мое намерение серьезно, я обязательно к нему вернусь. Так и произошло.

Между тем, незадолго до визита к владыке Иакову, я мало-помалу стал знакомиться с православными людьми. Вскоре после той самой памятной первой службы в лондонской «русской церкви» я стал студентом Оксфорда. Первые четыре года мы изучали классику — древнегреческих и латинских авторов — и немного — современную философию. Затем я остался еще на два года, чтобы изучать богословие. В Оксфорде у меня появилась возможность встретиться с православными людьми лицом к лицу. В частности, мы познакомились с Николаем Зерновым, преподававшим у нас православную культуру. До сих пор я с огромным удовольствием вспоминаю о том, как радушно и щедро Николай и Милица Зерновы принимали своих многочисленных гостей, о веселой, непринужденной атмосфере, царившей в их доме. Там же я встретил отца (впоследствии архиепископа) Василия Кривошеина, служившего тогда в маленькой церкви в Оксфорде и готовившего свое классическое издание «Слов» преп. Симеона Нового Богослова. Передо мной открылся новый мир, когда я впервые услышал от него, как преп. Симеон описывает свои видения нетварного Божественного Света; постепенно я начинал осознавать, насколько важное место занимает в православном богословии тайна Преображения Христова.

Чем больше я узнавал о Православии, тем больше понимал: вот чего я в сокровенной глубине души всегда искал и во что верил. Я не считал Православие устаревшим, чужим или экзотичным. Для меня оно было не чем

иным, как просто христианством. Я хотел полностью, осязаемо участвовать в жизни Церкви.

ЦЕРКОВЬ ОДНА

Мое знакомство с православием началось, главным образом, со встречи с русской православной традицией. Меня сразу пленил преп. Серафим Саровский. Однако в том, что касается богословия, решающей вехой на моем пути стал краткий очерк Алексея Хомякова «Церковь одна». По сути, он описывал то самое общение святых, которое пережил я, стоя на всенощной в лондонской «русской церкви»:

«Церковь одна, несмотря на видимое ее деление для человека, еще живущего на земле. (...) Живущий на земле, совершивший земной путь, не созданный для земного пути (как ангелы), не начинавший еще земного пути (будущие поколения), все соединены в одной Церкви — в одной благодати Божией. (...) Церковь видимая, или земная, живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, коего глава есть Христос. (...) Церковь живет даже на земле не земною, человеческой жизнью, но жизнью божественной и благодатною. (...) Ибо один Бог, и одна Церковь...»

Позднее, при более основательном знакомстве с православным богословием, я увидел ограниченность славянофильской экклезиологии Хомякова, но тогда я нашел у него именно то, в чем нуждался. Очень помогла мне также статья о. Георгия Флоровского «Соборность Церкви», где

природа Церкви предстает как единство в многообразии, по образу и подобию Бога-Троицы:

«Церковь являет себя в единстве. И конечно, это не внешнее единство, но внутреннее, сокровенное, органичное. Это единство живого тела, единство организма. Церковь есть единство не только в том смысле, что она одна и единственна; она есть единство прежде потому, что само ее существование состоит в восстановлении единства разделенного и раздробленного человечества. Это то единство, которое есть «соборность», или кафоличность, Церкви. В Церкви человеческая природа переходит в иной план бытия, начинает новый образ существования. Становится возможной новая жизнь, истинная, полная, целостная жизнь, кафолическая жизнь «в единстве Духа, в союзе мира» (Еф 4, 3). Начинается новое существование, новое начало жизни: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино... да будут едино, как Мы едино» (Ин 17, 21-22). Это таинство совершенного воссоединения по образу единства Святой Троицы».

Соборность, продолжает о. Георгий, «означает видение себя в другом, в возлюбленном»; в церковной соборности, и только в ней одной, «находит разрешение болезненная двойственность и напряжение между свободой и послушанием авторитету». В течение всей последующей жизни я не раз обращался к этой статье, на двадцати одной странице которой нашел для себя намного больше, чем во многих томах.

Продолжение следует



ПРАВСТВЕННОСТЬ И ДУХОВНОСТЬ

Если Ад — это ДРУГИЕ

«Ад — это другие» — писал Жан-Поль Сартр. Как часто эта фраза применима к нашей жизни, когда общение с коллегами и родными, окружающими нас людьми, становится самым тяжелым, самым трудным, самым невыносимым. Все не так, не то, все раздражают, все делают неправильно, все «достали». Как поступать в этом случае — рассуждает протоиерей МАКСИМ КОЗЛОВ — настоятель храма св.мц. Татианы при МГУ, кандидат богословия, профессор Московской духовной академии.

— Понимаю автора вопроса, сам бы мог себе его задать. А как красиво можно сформулировать про тех, которые «достали»? Некоторые формулируют красиво — как достали все — до патриарха и президента включительно. Если б у нас духовенство было духовным, священство — святым, жены красивыми и терпеливыми, мужья — зарабатывающими, верными, такими, за которыми как за каменной стеной, дети — по-

слушными и хорошо осваивающими знания, коллеги — понимающими, начальники — твердыми, но при этом входящими в мои жизненные обстоятельства, господа полицейские — никогда не берущими никаких дополнительных вознаграждений на дорогах и в офисах, — вот жизнь бы началась! Я скажу даже: она начнется для некоторых, это место имеет некое название — рай. Примерно там так и будет — и с президентом, и с полицей-

скими, с женами, с мужьями, с детьми. А вопрос только такой: «А я в том раю что бы делал? Меня туда можно пустить, если все будут такими?»

На самом деле, значительно труднее долго находиться рядом со святыми, чем с обычными людьми. Мне с канонизированными святыми не приходилось общаться, но с людьми глубокой, благочестивой, серьезной жизни приходилось. Руководствоваться правилом «никого не называй

блаженным до смерти», я расскажу об одном усопшем уже человеке — это протопресвитер Александр Киселев, который был духовным руководителем покойного патриарха Алексия II, когда тот был маленьким. Это священник, десятилетия прослуживший в Эстонии, в эмиграции, в конце жизни — в России, и уже здесь я с ним и познакомился. Дистанция была в много десятилетий между нами, но как-то отец Александр к нашему храму и ко мне редким вниманием расположился, и довольно часто на протяжении нескольких лет мы с ним общались.

Это было тяжело. Он был абсолютно не «дед Шукарь», как иногда о святых престарелых говорят: «Добрый старик, любовью и лаской покрывающий всякие наши немощи». При нем всякая твоя фальшь, привычно благочестивые слова и иные вещи, как штампы из нас исходящие, вдруг выявлялись, как выявляется всякая неправда.

Припомню такой эпизод: однажды мы вместе были на юбилее одного очень хорошего, заслуженного священника. Ну, и как бывает на юбилеях, здравица за здравицей, юбиляра вознесли уже до таких высот, что, если бы он был несколько иной весовой категории, ему бы полагалось взлететь над стулом в этот момент. Каждый из нас знает, как это бывает.

И где-то в середине трапезы отец Александр встает и говорит: «Батюшка дорогой, сажу, слушаю и думаю, что вот такие слова человеку позволяется слышать только один раз — на собственных похоронах». Как-то он так сказал это не едко, без сарказма, с любовью, с жалостью, встало все на место — юбиляру после этого как-то стало удобнее жить, и другие уже себя сдержали.

Так вот, святость — это встреча с таким названием вещей своими именами. Мы готовы о себе услышать все своими именами? Может быть, для начала нам стоит потерпеть невымытую сковородку, сварливого начальника, неидеальных детей и толкающихся в метро, в автобусах, или, если у

нас есть автомобиль, на автотрассах своих соотечественников? Просто потому, что мы — одни из них.

Что ещё можно сказать? Я не берусь советовать. Как я стараюсь выкарабкиваться из этих ситуаций, когда раздражает все, дома, предположим? Идешь или едешь, и чувствуешь это накопившееся раздражение и дурное ожидание того, что тебя ждет. Постарайся потерять ещё десять минут, выйди за три остановки до дома, пройдишь пешком. Я не скажу вы-



соких вещей: «Твори умную молитву и пусть все земное станет для тебя несуществующим», но так, слегка, перестань жить бессознательно, как лягушка, реагирующая на уколы.

Собственная раздражительность — это ведь рефлекторное существование, на раздражение отвечаем рефлексом естества, а мы вроде как призваны жить несколько выше естества. Достигается это в такой добродетели, которая по-славянски звучит непонятно — трезвление, а на обычном языке, для нас доступном, будет обозначать некую меру самоконтроля, что я отдаю себе отчет, что сейчас со мной происходит, и что я буду делать, как общаться. Прийти в такую некоторую меру самоконтроля, т.е. трезвления, под силу, это не какой-то Монблан духовности.

Вторая вещь может показаться чуть сложнее, но тоже достижима. Перед тем как любому человеку, который тебя чрезвычайно утомил, сказать нечто вразумляющее коротко, в двух фразах или в трех словах скажи (про себя, конечно) слова: «Спаси,

Господи, этого раба Твоего».

И, глядишь, ты уже сможешь общаться с ним несколько по-другому. Но только скажи про себя! Чтобы не получилось, как в известной истории про двух православных женщин на Крестном ходу (сам свидетель), поэтому имею право рассказать), как одна идет и говорит, слегка подтолкнув свою сомолитвенницу: «Спаси тебя Христос, матушка». А та отвечает ей с еще большей любовью: «Нет, мать, это тебя спаси Христос». Поэтому дело не в том, чтобы вот так сказать, а чтобы искренне помолиться.

Что еще? Простые есть вещи — если совсем уж не справляешься дома, пойти и голову под холодную воду подставить. Мы существа простые, душевно-телесные, психосоматически работаем. И поэтому удержание себя в некоторой мере отрезвления на какое-то время тоже помогает тому, чтобы справляться с реакциями на окружающую действительность. Совсем уж в идеале, помогает по отношению к реально близким тебе людям, которые сейчас

духовно далеки от тебя страшно, но жизнь с которыми не расплести: родители, жена, муж, дети, друзья и коллеги. Каждый из нас знает о них не только, чем они нас «достали». У нас есть у каждого о них другой опыт. Эту женщину я когда-то полюбил и захотел на ней жениться, мои дети — я держал их на руках, я мыл их в ванночке, даже уже потом, когда они выросли, у нас были минуты, когда мы разговаривали так, что у меня до сих пор теплеет на сердце, когда я об этом вспоминаю. Старая бухгалтерша, от которой не ждал ничего хорошего тогда, когда мне было очень трудно, просидела со мной полтора часа, мы вместе пили чай (коньяк), и у нее нашлось время не на своих близких, не на какие-то свои заботы, а на меня, я же это помню наряду со всем! Помните хорошее. Эти простые слова также можно себе напоминать. Помните хорошее!

Записала Тамара Амелина
Православие и мир

ПРОТОИЕРЕЙ СЕРГИЙ НИКОЛАЕВ

Жаворонки



Бабушка печёт жаворонки, потому что завтра праздник сорока мучеников Севастийских.

— К сорока мученикам всегда пекут жаворонки, — объясняет она внуку, раскатывая скалкой тесто, — и мама моя пекла, и бабушка...

Ваня смотрит на тесто и спрашивает:

— А зачем пекут жаворонков? Можно просто плюшки испечь. Или пирожки.

— Скажешь тоже, — в кухню заходит старший Ванин брат Миша. — Скажешь тоже: плюшки. Плюшки, они совсем не духовные. А жаворонки — духовные. Правда, бабушка?

Бабушка с полминуты думает.

— Правда. Плюшки, они к дивану тянут, а жаворонки — в небо. Жаворонки — духовнее.

— А почему к сорока мученикам птичек пекут? — опять спрашивает Ваня.

— В наших краях в это время птичья весна, — отвечает бабушка. — Все птицы домой прилетают. А птица, она больше всей твари на душу человеческую похожа. Всё вверх стремится. Вроде как душа наша — к Богу. И всякая птица Бога славит.

— Как это она Бога славит? — удивляется Ваня.

— Песней своей. Думаешь, почему она так красиво поёт? Она Бога песней славит.

Бабушка подсыпала на тесто муки. Чтобы не прилипало к скалке.

— Убить певчую птицу всегда большим грехом считалось. Вроде как Божьего славильщика убить.

Ваня во все глаза глядит на бабушку. Как же это?! Птички не просто так поют, а Бога славят! И вдруг он вспоминает.

— Бабушка! А сорока? Сорока не поёт, она трещит да скачет.

Бабушка на всё знает ответ.

— Сорока славит Бога своим оперением. Раскрасавица, с длинным хвостом, с белыми бочками. Все смотрят на неё и думают: «Что же за замечательный Художник её разрисовал?» А Художник-то этот — Господь! Вот и получается — Богу слава!

— А ворона? — не сдаётся Ваня. — Как ворона славит?

— Ворона своим разумом славит. Очень умная птица. Теперь бабушка режет тесто на полоски.

Миша собрался было уходить с кухни, но остался. И ему интересно, как птицы Бога славят. Он тоже вступает в разговор.

— А вот что ты скажешь про воробья? Он не красивый, чирикает скучно, и вообще, глупая птица.

Но бабушка вступает и за воробья.

— Воробей, хоть и неказист, да живёт рядом с человеком. С полями хлебными. Он с полей всех гусениц, всех жуков вредных собирает. Правда, бывает, что и зернышки поворовывает. Да и все не без греха. Только пользы от воробья очень много. Без него мы большей части урожая лишились бы. Вот он этой пользой и славит Бога.

Миша даже засмеялся от такого объяснения. И тут же вспомнил про дроздов.

— И дрозды что ли, по-твоему, славят? Помнишь, как они целыми стаями летали да вишни оклёвывали? Облепиху твою в полчаса всю съели.

— И ладно, что склевали. Надоела она мне, облепиха эта. Не по возрасту мне уж на лестнице висеть да стричь её.

Бабушка и рукой махнула в сторону окна. Ну, мол, её, облепиху.

— Ты же на дроздов сама ругалась, серыми разбойниками называла, — напомнил Миша.

— Может, и ругалась. Не помню уж. Только и дрозды Бога славят. Они дружбой своей славят. Посмотри, как они стайками кормиться летят. Все враз поворачиваются, все враз на дерево садятся. Никто у них не отстаёт, не своевольничает: «Не хочу, мол, я направо, хочу налево». А все как один. Какая дружба! Некоторым мальчикам поучиться бы у них. А что ягоды клюют, то это корм их и нам напоминание, что не всё в огороде наше. Надо и другим уделять.

Бабушка присела на свой высокий табурет, поглядела на внуков.

— Всякая тварь должна Бога славить. Потому что у всякой твари свой талант есть. Талантом она и славит.

Мальчики молчали.

— И человек должен своим талантом Бога славить. Кто бы ты ни был: певец ли, художник, плотник или врач, всякое твоё дело может быть к славе Божьей. Если ты, конечно, делаешь его честно, по совести, и не ленишься.

Не просто объяснить малышам про Божью славу, но бабушка старается, чтобы было понятно.

— Художника славят его картины, композитора — его музыка, столяра и горшечника — их изделия, борца — его победы. А Господь славится Своими творениями — художником, музыкантом, столяром, борцом. Смотрят

люди на картину и вспоминают о Том, Кто дал художнику такую силу и умение, — о Боге.

Бабушка решительно встаёт к столу и начинает вертеть из полосок жаворонки. Она даёт Ване блюдо с изюмом, чтобы он делал птицам глазки.

— А какой самый лучший, самый главный талант? — спрашивает Ваня.

— Самый лучший талант — вера, — сразу говорит бабушка.

Через несколько минут противень заполняется жаворонками и его отправляют в духовку. Бабушка опять садится на свой табурет.

— Самый главный талант — это вера, — продолжает она прерванный разговор. — О нём надо больше всего заботиться. С этим талантом и другие таланты расцветают. Да он и один стоит дороже всего. Вера не картину, не самолёт, не другое что, а самого человека делает прекрасным.

Внуки ждут, не торопят бабушку, и она не спеша начинает рассказывать.

— Давным-давно в армянском городе Севастии стоял воинский полк. Это был лучший полк языческого императора. Но все воины в нём были христиане. Император ненавидел христиан. Он заставлял их отречься от Христа, а тех, кто не соглашался — отдавал на мучения и казнил. Воинов-христиан убеждали отказаться от своей веры и принести жертвы языческим идолам. Их соблазняли большими чинами и богатством. Но воины как один отказались. Они говорили, что их богатство и почёт в вере в Христа. Ни уговоры, ни угрозы не сломили упорства воинов. Тогда их приказали раздеть и поставить посреди горного озера. В это время была зима, и мучители думали, что мороз и ветер заставят христиан сдаться.

Бабушка говорит тихо, не глядя на мальчиков. Руки её лежат на припорошенном мукой столе.

— Для того, чтобы соблазнить мучеников, на берегу поставили баню и стали её топить. Только один, не выдержав лютого холода, решил выбежать из воды и бросился к бане. Но только он ступил на порог, как весь растаял, словно был из воска. Ночью озеро и воинов осветил яркий и тёплый свет с неба. Он согрел воду. Всё это видел тюремный сторож. Он увидел ещё и то, что с неба опускаются 39 венцов. Тогда он скинул с себя одежду и бросился в озеро со словами: «И я христианин!» Так воинов опять стало 40. Звали его Аглаий, и он тоже получил небесный венец.

Бабушка на минуту задумывается.

— А что было дальше? — нетерпеливо спрашивает Ваня.

— Утром пришли мучители и, увидев, что воины не замёрзли от мороза, очень удивились.

— Они от небесного света не замёрзли и от горячей веры, — догадывается Ваня.

— Ещё бы! Вера их тоже согревала, — соглашается Миша. Бабушка смотрит на внуков, кивает им головой и продолжает:

— Воины уже знали, что им придётся умереть. Но они терпели до конца. Они спокойно приняли все последующие мучения, а затем и самую смерть.

Всё так же, положив руки на белый от муки стол, бабушка молча сидит на своём высоком табурете. Ваня и Миша тоже молчат. Может, они представляют себе холодное озеро в горах и сорок верных воинов Христовых посреди него. А может быть, думают о себе: какая же у них самих вера? Горячая или прохладная?

— Жаворонки! — вдруг вспоминает бабушка. — Жаворонки в духовке!

Она хватается первую попавшуюся тряпицу и бросается вынимать противень.

— Успела, — говорит она, облегчённо вздохнув и глядя на жаворонки, — вот только чуть больше зарумянились. Да это ничего.

— Они ведь с юга прилетели, может, загорели там, — успокаивает бабушку Ваня.

Бабушка снимает жаворонки и укладывает их на блюдо.

— Жалко, что их не спасли, — печально говорит Ваня, — воинов.

Бабушка гладит его по головке.

— А сорок Севастийских мучеников не умерли. Они и теперь служат людям. Как? Мы читаем, рассказываем про их подвиг, и при этом думаем о своей вере. Сравниваем. И, конечно же, хотим быть похожими на них. Они действительно получили от Христа самые высокие чины и, как небесные полководцы, своим примером ведут нас, земных солдатиков, к духовным победам.

— А ещё мы можем молиться им, когда в нас будет ослабевать вера, — смущённо говорит Миша, это он сам догадался.

Бабушка улыбается ему, подаёт полное блюдо жаворонков и заканчивает свой рассказ:

— Вот так в давние времена пострадали в Севастии за веру в Христа сорок воинов. Души их светлые улетели на небо и там славят Бога. А мы молимся им, сорока Севастийским воинам, и к их празднику печём птичек-жаворонков, которые тоже, как чистые христианские души, стремятся в самую высь.

По страницам книги «Ангелы детства»



ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера,
а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало №№ 10 - 12, 2010 г., № 1, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

5

Поездка в Тобольск, и что из этого вышло

Мать Дуни, Глафира Никитична вызвала из Петро-Павловского собора священника Иоанна. Он пособоровал больную, причастил. Был заказан сорокоуст. Припадки бешенства не уменьшались. Улучшения от принятых церковью мер не замечалось. Однако родители продолжали усиленно молиться за неё.

Пуще прежнего наказал отец Порфирию и Матвею стеречь его дочь. Дал было указание — держать на цепи. А как привязали, сжалился: «Она же всё-таки не собака», — сказал он. «Мы сами как собаки», — отвечали работники. «Вот как собаки и сторожите её. Я освобождаю вас от поездок за рудой. Оплату оставляю прежней. Если хорошо будете охранять, добавлю. Особенно прячьте от неё верёвки».

Потом выяснилось, что периоды буйного безумия сменяются у нее периодами тихого помешательства, когда в довольно спокойном состоянии у ней начинается загадочное мудрование. Причём, иной раз скажет такое, чего в здравом рассудке человеку не высказать — ума не хватит. Шибко этому все дивились. В периоды спада лютого бешенства Дуню стали выпускать на волю. Ей полюбилась базарная площадь. Нарвёт в своей роще цветочков и идёт с букетом на базар. Там раздаст по цветочку нищим и принимается за своё любимое занятие — вещание. Вот и теперь полностью приготовила себя к этому: выпрямилась, поглядывая на идущих мимо людей. И только один из них остановился будто ненароком, потаённо поглядывая на дурочку, что-то чудное мелькнуло в её глазах, и начала она восклицать:

«На земле война. Война Бога и сатаны... Война — жизнь, без войны — могила. Без войны все равны. Токмо без равенства Боженька придёт разделять...» — Вот так и подобно тому восклицала она довольно долго. Постепенно возле неё образовалась небольшая толпа. Дуня всегда вызывала у людей болезненное любопытство. Ведь каждый может оказаться в подобном состоянии. Люди понимали всякую болезнь, а эту не понимали. А тут ещё такие высказывания. «... Слушайте Боженьку как строить дом! — выкрикивала она. — В доме светлая горенка — убранная и подметённая. Хорошо звать Боженьку в такую горенку... В такую Он пойдёт... — И пропела речитативом: — Прилетит ладья воздушная, и крылья дадены будут».

Подошла жена горного офицера, спросила у всех:

— Степана не видели?

Люди переключились от Дуни к этой женщине.

— Потеряла мужика своего?

— Пришла домой, а он пьяный черепки собирает...

Старательно так собирает на корточках с полу. А я и без того расстроенная — лошадь не нашла, а тут ещё пьяный Степан кринку разбил. Исхлестала его, выгнала из дома. А соседка сказала, что это кошка опрокинула кринку... со скамейки на веранде. Теперь ни лошадь не могу найти, ни мужика своего.

— Зачем выносишь сор из избы? Он всё-таки горный офицер, — заметила стоявшая рядом женщина.

— Хоть и горный, а всё ж мой мужик.

— Не мужик, а муж! — воскликнула Дуня. — Ха! Отхлестала! Чем хвастаешься?! К тому же горный

офицер не твой муж, а мой! Я найду его, и он простит меня.

Сказав это, Дуня уже не замечала столпившихся вокруг неё людей, словно слепая направилась в базарную сутолоку.

Почти в каждой российской деревне имелись свои дураки или дурочки. Они вроде ничего не соображали, о чём им говорили, но люди прислушивались к их бессвязному лепету, находили в нём пророческие высказывания. Причём, пророчества нередко сбывались. В деревне «Барнаульский завод» до сих пор не было ни дураков, ни дурочек. И вот появилась своя дурочка. И ей тоже внемлют. Прислушиваются, о чём она говорит... Уже более четырёх лет длится Дунино безумие на утеху мальчишкам. А взрослые, хотя и привыкли к ней такой, поглядывают на неё с испугом. В периоды тихого помешательства она ходит в рошу ежедневно, бродит там, блуждает, хотя давно уже забыла, наверное, для чего. Теперь рошу называли Дунькиной не только жители деревни «Барнаульский завод», но и приезжие. Она стала хорошей ориентировкой на местности. Порфирий с Матвеем часто бегали в ней за Дунькой, ловили её.

Никаких изменений в судьбе Дуни уже никто в деревне «Барнаульский завод» не ожидал. Даже родители, хотя и молились за неё постоянно, приучали себя к мысли — доживать с такой дочерью до конца своих дней. В заботах и трудах они топили своё горе. И пятый год им ничего не сулил. Однажды Дуня после очередного буйства неожиданно стала просить родителей, чтоб везли её на богомолье в Тобольск. Они в недоумении: «Для чего же это?» — «Мне явился архиерей, — отвечала она. — Он сказал мне, что я до тех пор не выздоровею, пока не помолюсь на его могиле». Отец и мать никогда не видевшие архиереев и даже не слышавшие о них, подумали, что их дочь бредит в припадке своей болезни, и не придали её словам никакого значения. Между тем дочь снова впала в буйное сумасшествие, а когда через несколько дней поутихла, рассказала, что тот архиерей являлся к ней вдругорядь и уже строжилась, чтоб ехала на богомолье в Тобольск для исцеления на его могиле. Но и на этот раз родители оставили слова дочери без внимания. После очередного припадка сумасшествия, дочь заявила им о третьем явлении архиерея, который уже стал грозить ей наказанием, если она не поедет в Тобольск. После этого она опять подверглась припадкам сумасшествия. Тут уж родители сильно засомневались, что требование архиерея — плод бреда. Решили посоветоваться с протоиереем Иоанном Пеуновым. Он не только был

настоятелем Петро-Павловского собора, но и возглавлял Барнаульское духовное правление. Мало того, был выпускником Тобольской Духовной семинарии. И если благословит везти дочь, то расскажет, как туда добраться и к кому там обратиться.

Дождались окончания Литургии, подошли к отцу Иоанну и рассказали ему о троекратном явлении архиерея, о требовании везти Дуню на его могилу, и спрашивали, что это значит, и что он думает о сей ситуации. Непонятное священник и объяснил непонятно:

— Каждый терпит постигающее его не за себя только, но и за ближнего, — в том, в чём он принял его на себя. Примером тому Господь Бог. Соединившись с нами и плотию и

духом, воспринял за нас страдания. А мы должны только верить Правде Божией и знать, что всё невольно постигающее нас, случается с нами или ради любви, или за злобу: и потому мы должны терпеть оное, а не отвергать, чтобы не приложить ещё греха к грехам нашим. Правда Божия может приоткрыться через вашу поездку в Тобольск и вразумить вас.

— А кто ж такой архиерей?

— Видимо, речь идёт о Тобольском святителе Иоанне по светской фамилии Максимович. Могила его в Софийско-Успенском соборе кремля нашей Сибирской столицы. Бог в помощь вам. Найдёте там священника Василия Кузнецова.

— А далеке ли град сей?

— Верст — тысячи полторы. Но вам же не привыкать. Ибо в Кольвань ездить за

рудой тоже не ближний свет. Месяца за полтора-два управитесь. У меня имеется начертанный путь в Тобольск. — Отец Иоанн сходил к себе в кабинет и принёс схему дорог. — Тут указаны названия деревень, форпостов.

Возвращаясь домой, Еремей Савельич сказал жене, что ехать придётся ей самой. А он — на рудник. Плавильни встанут — хана.

— Ездовым дам тебе Порфирия. Он прогрессист, хотя и мужик. Энтот на рожон не полезет и боголюбивый. За тебя с Дуней, если надоть, душу положит.

... Для поездки в Тобольск выбрали четырёх молодых рудозовов — коней могутно переносить большие расстояния. Порфирий сам напросился оберегать в пути мать с дочерью, так что Еремей Савельич был вполне доволен. А вот с Дуней произошла заминка. Усиленно просившая отвезти её в Тобольск, она вдруг заупрямилась. Давай отшвыривать дорожные платья, чулки, которые ей подавали. Упала на пол и отпинавала всех, кто к ней подходил. «Нечистая сила не пускает. Не хочет, чтоб она выздоровела



и прославила Господа, — заметил один из работников Еремея Савельича. — И зачем эта нечисть на свете развилась? Тьфу!» — «Ну ты! Не шибко-то! — урезонил его Порфирий. — Нежелательно вспоминать падших ангелов перед дальней дорогой. Дуня, поднимайся с пола, пора».

Дуня вскочила, забилась в угол. А когда к ней подошли, всю её повело, как бересту на огне. Тонкие пальцы вперёд оттопырила, зашипела: «Не хочу! Не буду! Голова болит!» — «На боль в голове она раньше вроде не жаловалась», — заметил Порфирий. «У неё другая боль — душевная», — проговорила мать. «Я ж говорю, бесы не пускают. — Они небось ждали её в роще с верёвкой, а её позвал сам архиерей. У них сейчас в аду паника». «Выводите её», — повелел Еремей Савельич.

Две повозки стояли за воротами наготове. На каждой сооружена кибитка, подобно цыганской. В первой Глафира Никитична с Порфирием повезут Дуню, и сами там же поедут. В задней — бочка с водой, съестные припасы, сложенный шатёр и одежда. Заднюю пару коней привязали за длинный повод к передней телеге. Дуню повели к повозкам насильно. Она, как всегда, когда её к чему-то приневоливали, бессвязно кричала, размахивала руками, дралась, кусалась. Пришлось связать, уложить в кибитку и там ещё дополнительно привязать к телеге. Еремей Савельич, отложивший на день, ради проводов, отправку обоза в Кольвань, смотрел от ворот на отъезжавших до тех пор, пока не скрылись за степным горизонтом. Перекрестил их уже невидимых.

... Путешественников сразу взяло в свои объятия прекрасное утро, когда ещё не парит, когда дышится легко. Вокруг неоглядная степь, а над головой синее июньское небо. Таким оно держится весь день, и бывает только тогда, когда хорошая погода устанавливается надолго. Ехать бы да ехать, наслаждаясь безмятежным движением в даль необозримую, да Дуня ни минуты не давала покоя. Билась так, что Глафира Никитична с Порфирием едва удерживали. Сами измучились и её измучили.

На третий день попробовали развязать. Но только освободили от верёвок, как она выскочила из кибитки и кинулась в степь. Мать с Порфирием за ней. Да разве угнаться пожилым за молодой. Она, как лань, неслась по степи. Порфирий распряг коня и только верхом нагнал. Но догнать — одно, а как из седла схватить бегунью? Ещё и под копыта попадёт. Пришлось гонять по степи, пока не уморилась.

Вечерами распрягали коней и задавали им свеженакошенной травы. Пускать в незнакомую степь спутанными пастись не решались. Устанавливали шатёр, и, вычитав «На сон грядущим», предавались в объятия приближающейся ночи. Лучезарное солнце мирно опускалось за край степи. После него алое сияние держалось недолго над потемневшей землёй. И вот уже звездочка тихо мигает. Первая половина ночи дежурить была Порфирия. С Глафирой Никитичной спали по очереди, опасаясь, как бы лихие люди не увели коней. Хотя какие тут могут быть лихие люди. За несколько дней им не встретился ни пеший, ни конный. Даже спросить не у кого, правильно ли едут. Уже начали беспокоиться. Помеченного на схеме аиала телеутов и впомяне не было.

Утром, едва развиднелось, дальше в путь — по холодку, по лёгкому туманцу с росой, чтоб в жаркий полдень дать коням и себе передохнуть, а то и вздремнуть.

... Степь пошла солончаковая, словно седея. По-

рой накосить травы для коней негде. И конца этой белёсой равнины не видно. Было отчаялись выехать на травы. Но когда кони заметно начали ослабевать без воды и травяной подкормки, к степной седине помаленьку начала примешиваться зелень. «Правильно ли едем?» — спрашивала Глафира Никитична, ободрённая сменой ландшафта. «Будем ехать, куда дорога ведёт. А ведёт она на северо-запад, в сторону Тобольска», — нарочито уверенно отвечал Порфирий, подёргивая вожжи.

На горизонте замаячили какие-то странные, бугры. Когда подъехали ближе, оказалось — юрты, обложенные снизу доверху дерном. На дерне густо проросла трава. Это был долгожданный телеутский аил, помеченный протоиереем Иоанном на схеме. К повозкам с лаем кинулись собаки. На их залихватный лай вышли обитатели юрт. Порфирий направил к ним коней. Люди с землистыми, пергаментными лицами окружили кибитку. Глафира Никитична начала было с ними толковать о закупке продуктов, но никто из них не понимал по-русски. Услышав незнакомую речь, затихшая было Дуня, опять принялась биться и кричать. Телеуты испуганно заглядывали в кибитку, охали-ахали, делая руками знаки — освободить пленницу. Средних лет телеут даже попытался развязать на Дуне верёвки. Порфирий мощным движением руки отстранил его. Соплеменники гневно закричали, замахали руками. Ситуация принимала опасный оборот. Было видно: телеуты готовы вдребезги разнести обе повозки. Порфирий схватил вожжи. «Уносим ноги!» — быстро проговорил он, понужая коней.

Когда отъехали немного, испуганная Глафира Никитична, оглядываясь, пролепетала: «А ведь они могли убить нас. Ты видел, какие они злые были?»

— Могли и убить, Тут их земля. Один абориген прошлым летом высказывался: «У вас, говорит, было татаро-монгольское иго, а теперь у нас настало русское иго». Ведь они потомки армии Тэмуджина. Помнят о нём. Для них он батыр.

— Наше иго полезно. Несём в Сибирскую колонию культуру, оседлость, в конечном счёте, прогресс. — Она помолчала. Порфирий проговорил в сомнении:

— А нужен ли полудиким степнякам прогресс?

— Нужен. Нам ведь татаро-монголы тоже большую пользу принесли.

— Это какую же? — поднял на неё глаза Порфирий.

— Благодаря им, мы сохранили Православие, а не влились в Европейское католичество. Да и не будь татаро-монгольского ига, русские княжества не объединились бы в единое государство для освобождения. А значит, России не было бы. Нам надоть благодарить нашествие татаро-монголов. А главное, за всё благодарить Господа Бога. В многовековой русской истории хорошо просматривается Десница Божия. Кстати, и в сегодняшнем нашем спасении тоже.

— И рука архиерея Тобольского, — добавил Порфирий. — Я предвидел злбу аборигенов, а потому, как повернул к ним коней, сразу стал просить его защиты. И в дальнейшем, если появится какая опасность, вы, матушка, тоже просите его заступничества. Ведь он сам вызвал к себе Дуню. — Порфирий запел Иисусову молитву. Глафира Никитична охотно подтянула. Она знала по опыту: эта молитва не только спасает от опасности, но и хорошо успокаивает.

Рисунок автора

Продолжение следует

КАЛЕНДАРЬ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Великий пост (22 февраля/7 марта—10/23 апреля) начинается за семь недель до Пасхи и состоит из сорокадвух дней — сорока дней — и Страстной седмицы — недели перед самой Пасхой. Сорокадневный пост Спасителя, а Страстная седмица — в воспоминание последних дней земной жизни, страданий, смерти и погребения Христа. Общее продолжение Великого поста вместе со Страстной седмицей — 48 дней.

Первая неделя Великого поста отличается особенной строгостью, а вместе с тем и Богослужение особенной продолжительностью. В первые четыре дня, (понедельник, вторник, среда и четверг) на Великом повечерии читается канон Св. Андрея Критского с припевами к стиху: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»

В пятницу первой недели Великого поста на Литургии после заамвонной молитвы происходит освящение «колива», т. е. отваренной пшеницы с медом, в память Св. Великомученика Феодора Тирона, оказавшего благотворную помощь христианам для сохранения поста. Византийский император, Юлиан Отступник, в 362 г. приказал в гор. Антиохии тайно окропить кровью идоложертвенных животных все съестные припасы. Но Св. Великомученик Феодор Тирон, сожженный в 306 году за исповедание Христовой Веры, явился в сновидении антиохийскому епископу Евдоксию, открыл ему тайное распоряжение Юлиана и повелел в течение всей недели ничего не покупать на рынке, а питаться коливом.

Первое воскресенье Великого поста (28 февраля/13 марта) совершается так называемое «**торжество православия**», установленное при царице Феодоре в 842 г. в память восстановления почитания Св. Икон. В конце Литургии священнослужители совершают молебное пение об утверждении в вере православных христиан и обращении на путь истины всех отступивших от Церкви. Диакон затем громко читает Символ веры и произносит анафему, т. е. объявляет об отделении от Церкви всех, кто осмеливается исказить истины православной веры, и «вечную память» всем скончавшимся защитникам веры православной, а «многие лета» — живущим.



Во второе воскресенье (7/20 марта) Великого поста совершается **память св. Григория Паламы**, жившего в XIV веке. Согласно с Православ-

ной верой он учил, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих благодатным Своим светом, каким сиял Господь на Фаворе. По той причине, что св. Григорий раскрыл учение о силе поста и молитвы и установлено совершать его память во второе воскресенье Великого поста.

Третье воскресенье (14/27 марта) Великого поста за Всенощной **вносится** после Великого славословия **Св. Крест** и предлагается для поклонения верующим. При поклонении Кресту Церковь поет: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. Эта песнь поется и на Литургии вместо трисвятого. Церковь выставляет в середине Четыредесятницы верующим Крест для того, чтобы напоминанием о страданиях и смерти Господней воодушевить и укрепить постящихся к продолжению подвига поста. Св. Крест остается для поклонения в течение недели до пятницы, когда он, после часов, перед Литургией вносится обратно в алтарь. Поэтому **третье воскресенье и четвертая седмица Великого поста называются «крестопоклонными».**

Четвертое воскресенье вспоминается Св. Иоанн Лествичник (21 марта/3 апреля), написавший сочинение, в котором показал лестницу или порядок добрых деяний, приводящих нас к Престолу Божию. **В четверг на пятой неделе совершается так называемое «стояние Св. Марии Египетской».** Жизнь Св. Марии Египетской, прежде великой грешницы, должна служить для всех примером истинного покаяния и убеждать всех в неизреченном милосердии Божиим. На Утрени в этот день читается житие Св. Марии Египетской и канон Св. Андрея Критского, тот самый, который читается в первые четыре дня Великого поста.

Субботу на пятой неделе (27 марта/9 апреля) совершается «**Похвала Пресвятой Богородице**». Читается торжественный акафист Богородице. Эта служба установлена в Греции в благодарность Богородице за неоднократное избавление Ею Царьграда от врагов. У нас акафист «**Похвала Богородице**» совершается для утверждения верующих в надежде

на Небесную Заступницу, Которая, избавляя от врагов видимых, тем более готова нам помочь в борьбе с врагами невидимыми.

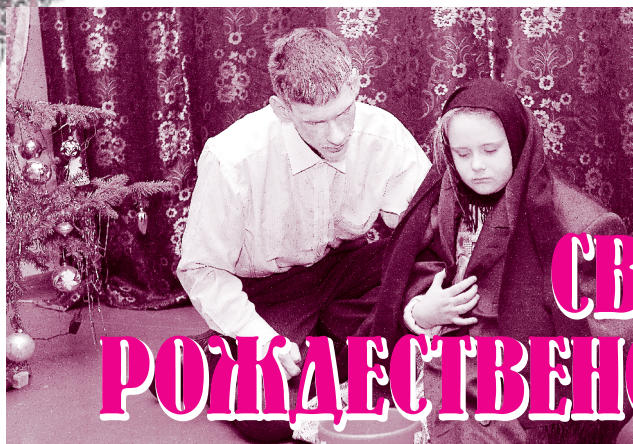


Пятое воскресенье (28 марта/10 апреля) Великого Поста совершается последование **преподобной Марии Египетской**. Церковь дает в лице преподобной Марии Египетской, образец истинного покаяния и, для ободрения духовно-труждающихся, показывает на ней пример неизреченного милосердия Божия к кающимся грешникам.

Субботу на 6-й неделе на Утрени и Литургии вспоминается **воскрешение Иисусом Христом Лазаря**. Эта суббота **называется Лазаревой субботой (3/16 апреля)**. На утрени в этот день поются воскресные «тропари по Непорочным»: «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим», а на Литургии вместо «Святый Боже» поется «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Аллилуиа».

Шестое воскресенье Великого Поста есть великий двенадцатый праздник, в который празднуется торжественный вход Господень в Иерусалим на вольные страдания. Этот праздник иначе называется **Вербным воскресением, Неделею Ваий и Цветоносною (4/17 апреля)**. На Всенощной после прочтения Евангелия не поется «Воскрешение Христово»..., а читается непосредственно 50-й псалом и освящаются, молитвой и окроплением св. воды, распускающиеся ветви вербы (ваиа) или других растений. Освященные ветви раздаются молящимся, с которыми, при возженных свечах верующие стоят до конца службы, знаменуя победу жизни над смертью (воскрешение).

Свечерни в Вербное воскресенье отпуст начинается словами: «Грядый Господь на вольную страсть нашего ради спасения, Христос истинный Бог наш»...



СВЕТ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДЫ



ФОТОРЕПОРТАЖ
Веры Колупаевой
с праздника
Рождества
Христова
в воскресной
школе при Алек-
сандро- Невском
соборе



Духовно-просветительская газета
Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.
Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.
Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Муговкина
Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1500 экз. Сдано в печать 29.03.11. Выход по графику 25.02.11
Отпечатано в типографии "ПринтЭкспресс", г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.